

Вл. Муравьев

ИВАН ВЕЛИКИЙ

художник М. Петров

Русская армия покидала Москву. Разумом понимали, что нельзя иначе и правильно решил Кутузов, а всё-таки, когда шли по улицам Белокаменной, у каждого сердце щемило.

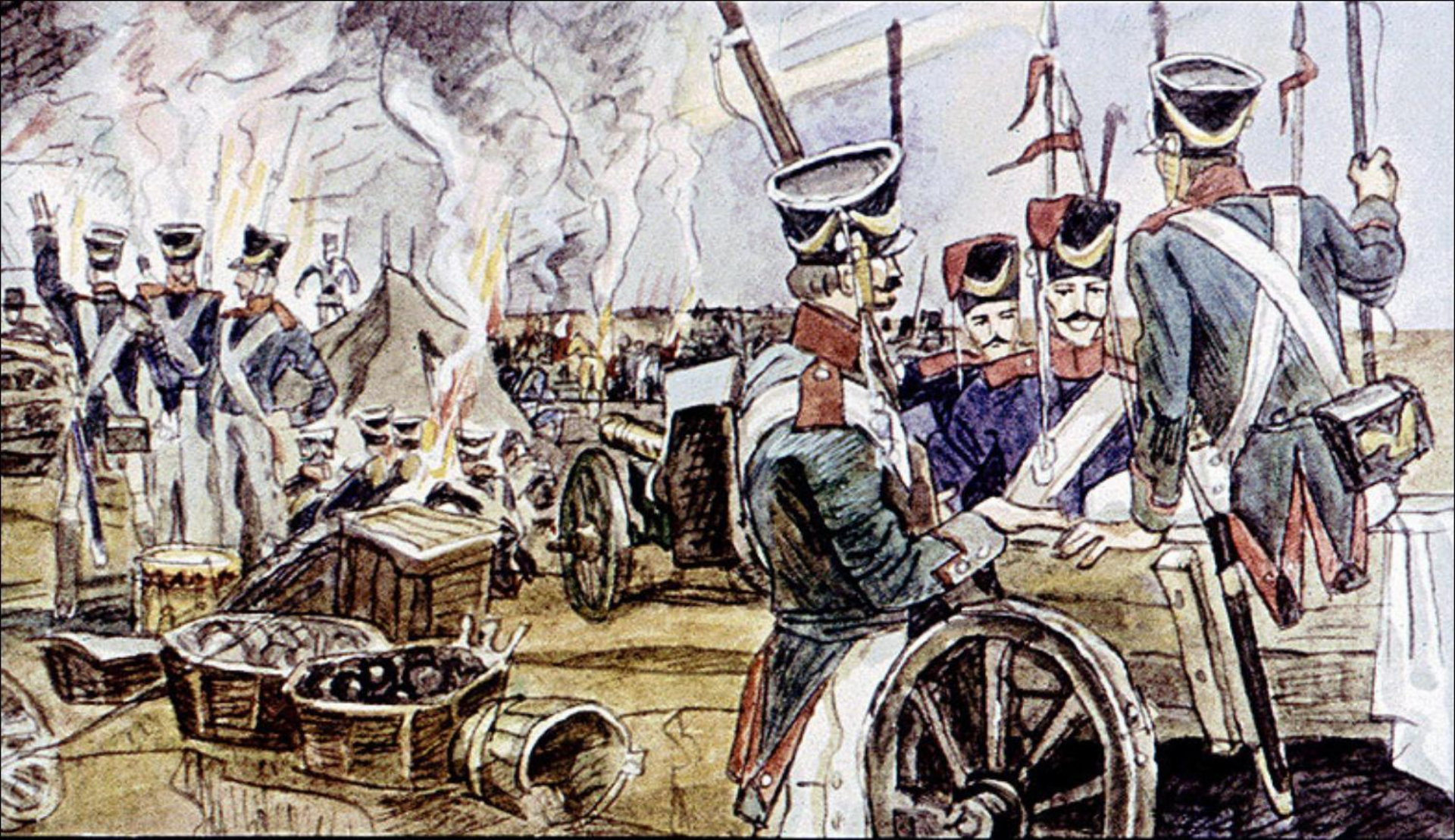
Рядовому конно-егерского полка Фёдору Николаеву было совсем горько: ведь он—московский, родился и вырос здесь, в Замоскворечье, в Кадашах. 3

С их двора виден был Кремль с дворцами, соборами и высокой колокольней посреди них. Колокольня эта была самое высокое строение в Москве и потому называлась Иван Великий.

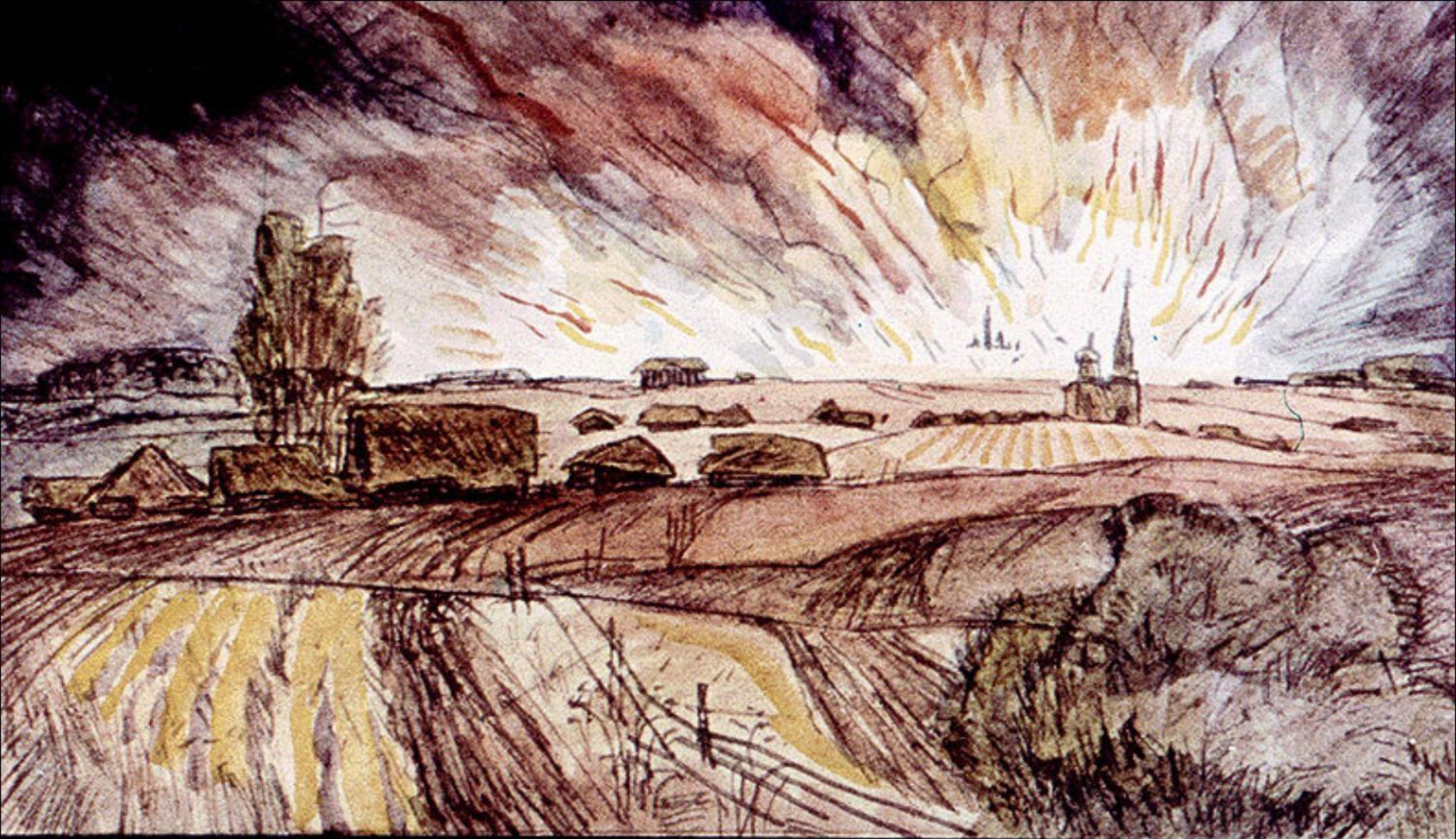
Над всей Москвой возвышался Иван Великий. Его золотой купол сиял, как старинный боевой шлем. Говорили в народе: «Пока Иван Великий стоит, и Москва стоять будет».

Русская армия отошла по Калужской дороге на 80 вёрст и возле села Тарутина расположилась лагерь, ожидая подкреплений и набирая силу для удара.

**Отряду Фёдора Николаева—егерям и казакам—
приказано было идти по Петербургскому тракту и,
отойдя вёрст пятнадцать, вести наблюдение за про-
тивником и действовать смотря по обстоятельствам.**

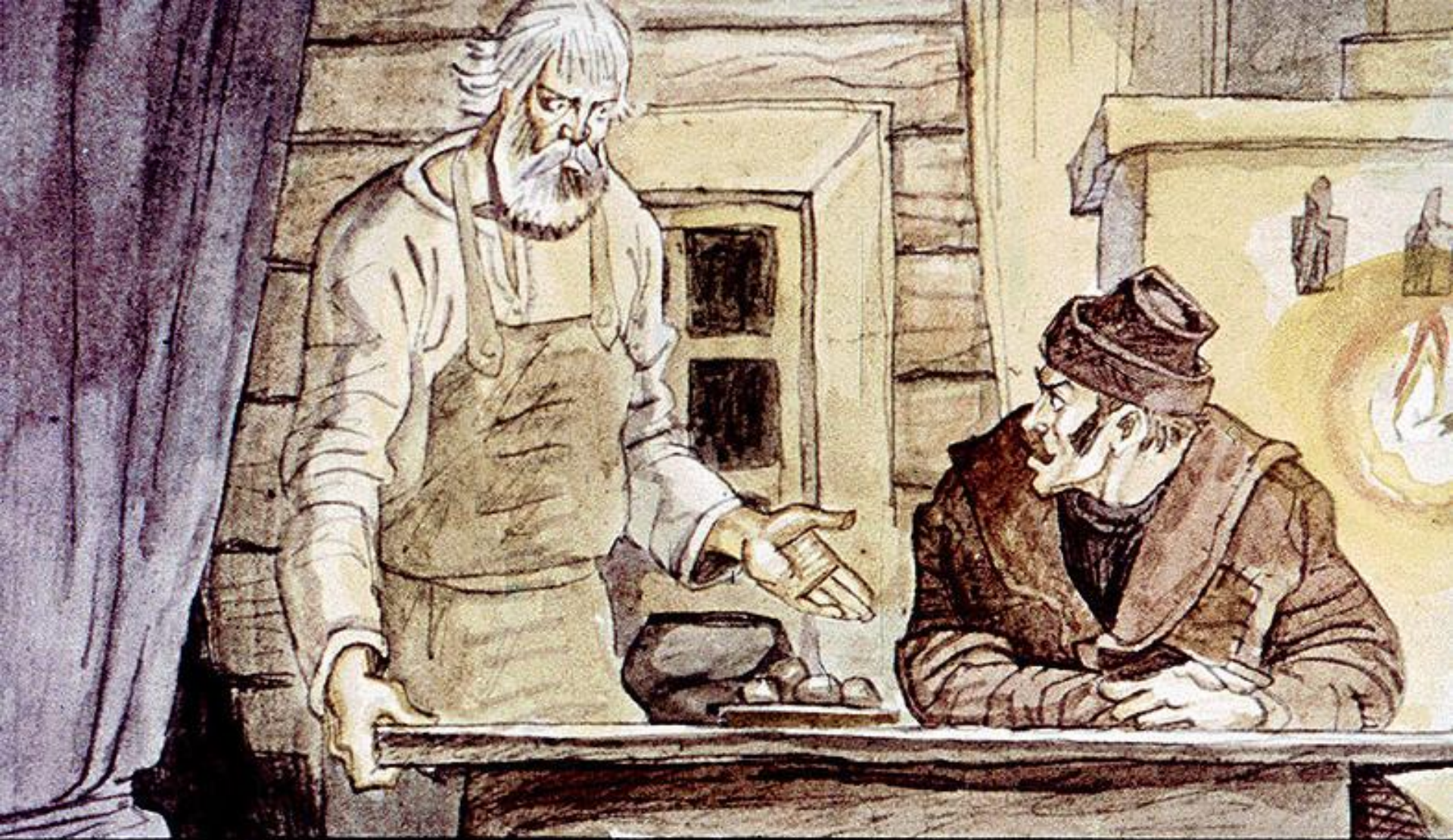
Когда ещё только миновали заставу, заметили, что в Москве начались пожары, поднялся дым. С наступлением темноты зарево становилось всё сильнее и сильнее.

На следующий день послали в город разведку. Казаки вернулись, рассказали: французы поджигают дома что побогаче и грабят. Шесть дней бушевал огонь, выгорели целые улицы. Печальное зрелище представляла собой Москва.

Уже целый месяц отряд Фёдора Николаева ходил между Петербургским трактом и Дмитровской дорогой. Нападали на французских солдат, засылали разведчиков в город, брали пленных и поэтому знали обо всём, что делалось во вражеском стане.

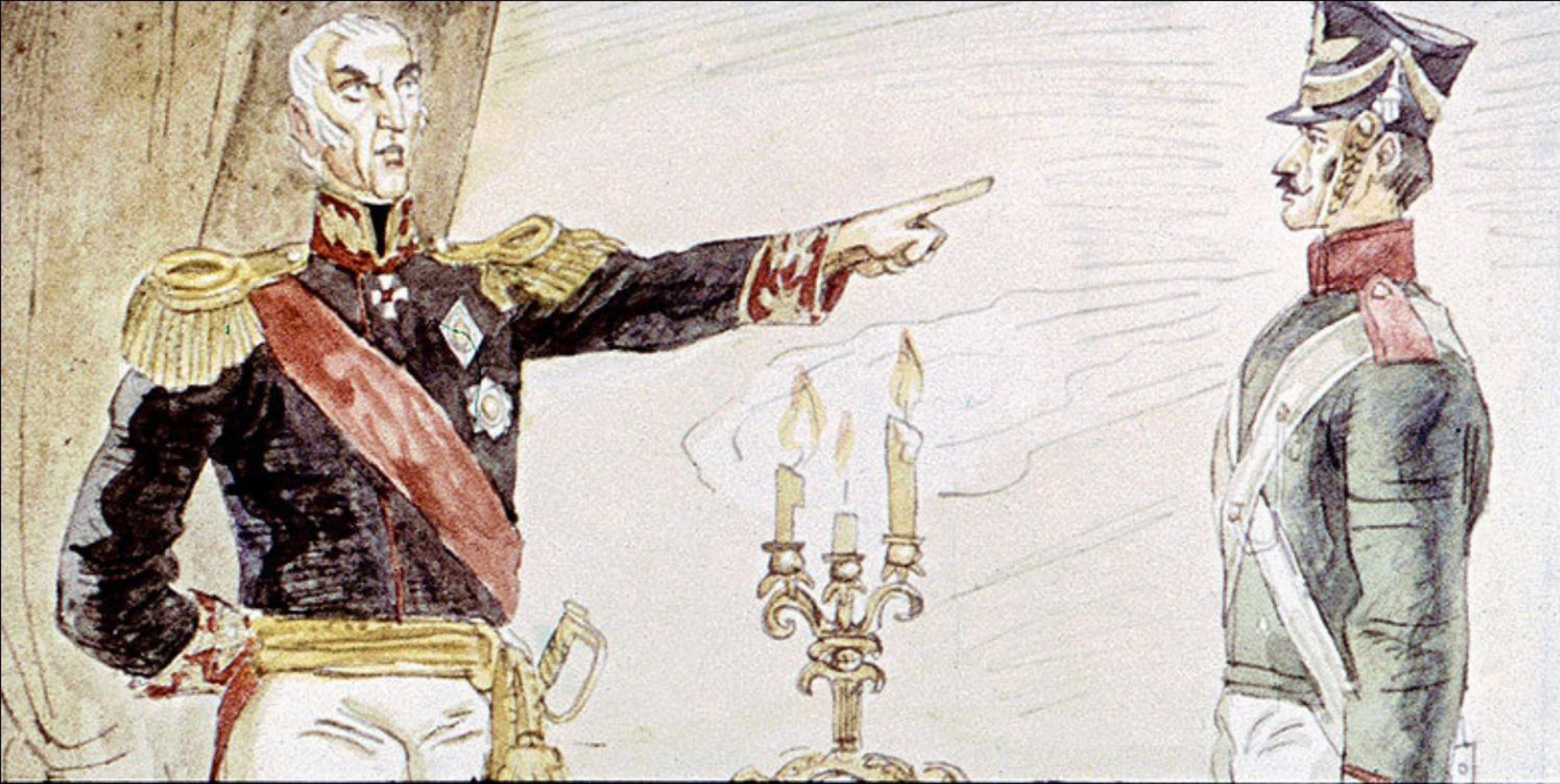
10 октября выпал черёд идти в Москву Фёдору. Возле Страстного монастыря жил добрый приятель Фёдора—сапожник. Фёдор первым делом зашёл к нему.

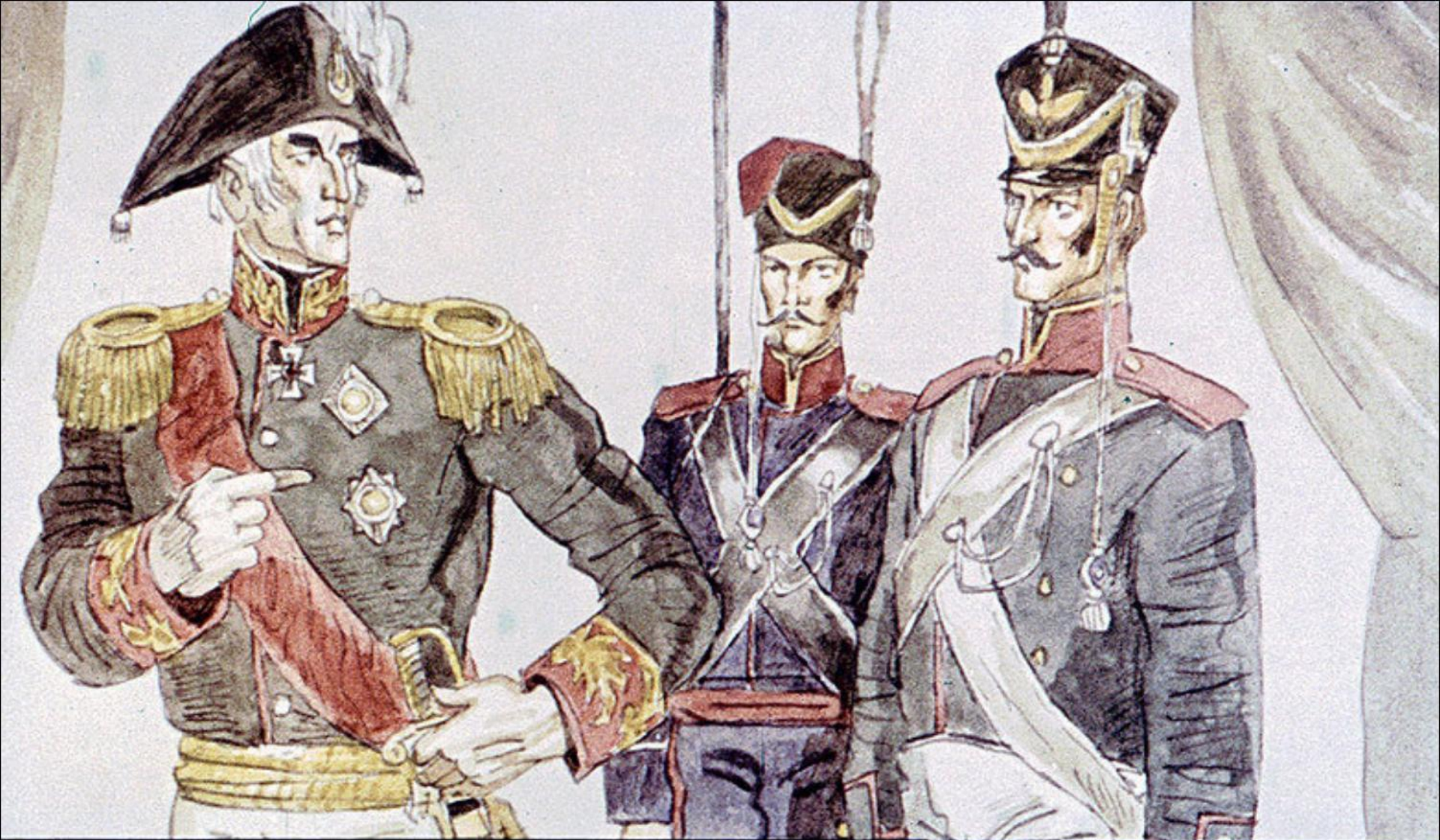
«Начинают французы уходить помаленьку,—сказал сапожник.—Сам Наполеон, говорят, уже уехал, но, уезжая, приказал в отместку за нашу неприветливость Кремль со всеми соборами взорвать. Их сапёры ведут подкопы, я ходил смотреть: под всеми башнями копают».

Вернулся Фёдор, доложил командиру отряда генералу Винценгероде. Командир у них был австриец, воевал в русской армии. Храбрый был генерал. Французский император считал его своим личным врагом.

Как услышал Винценгероде, какую месть задумал Наполеон, воскликнул: «Не бывать этому! Я поеду к командующему московским гарнизоном маршалу Мортье и скажу ему, что дам французам спокойно выйти из Москвы при одном условии: если он откажется от взрыва Кремля».

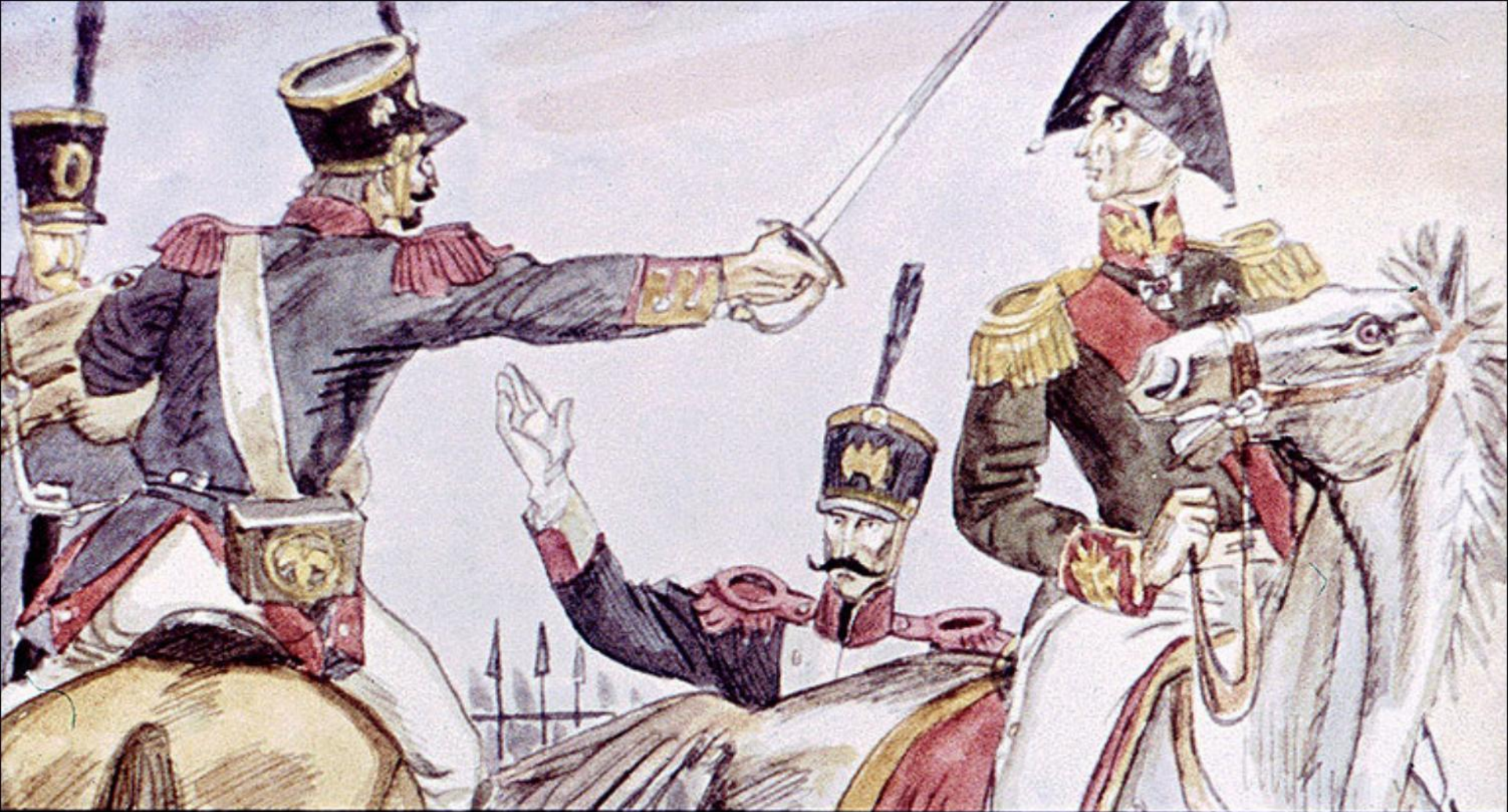
Генерал приказал адъютанту отобрать для сопровождения десяток казаков. «Ваше превосходительство, возьмите меня», — попросил Фёдор. «Тебя первого беру», — ответил генерал.

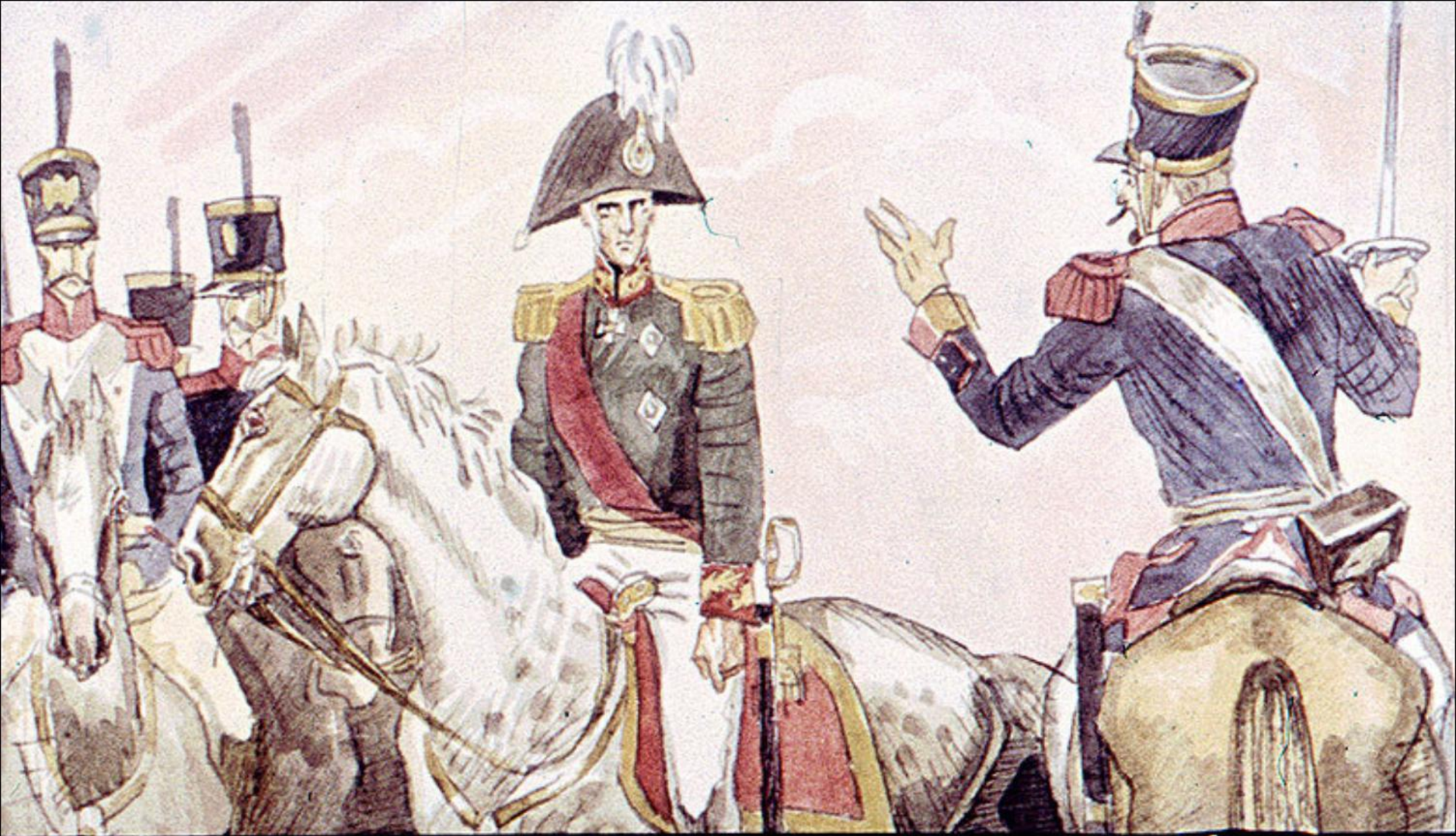
До Тверских ворот доехали благополучно, не встретив ни одного патруля.

Винценгероде велел Фёдору повязать на пике белый платок—знак парламента. У генерал-губернаторского дома стоял французский патруль. «Я прислан от начальника русского отряда парламентом к начальнику французских войск»,—заявил Винценгероде офицеру. «Сейчас пошлю доложить о вас маршалу»,—ответил тот.

Но тут из переулка выскочил разъезд французских драгун. Драгунский офицер подскакал к Винценгероде и крикнул: «Вы мой пленник!»—«Он парламентар»,—возразил ему патрульный офицер. «Врёт!»—сказал драгун.

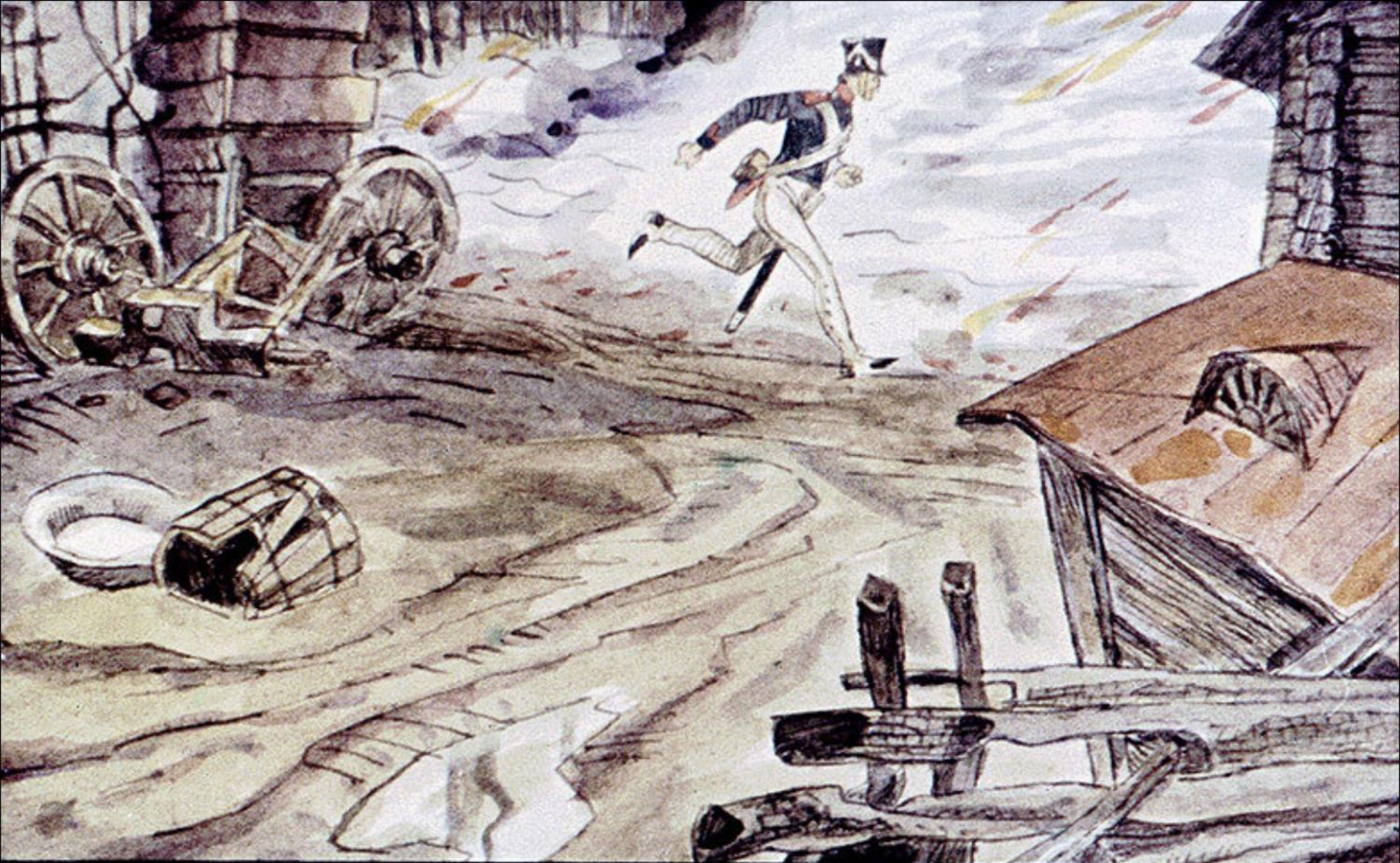
Винценгероде вспылил: «Как вы смее! Требую передать, что начальник русского отряда, стоящего перед Москвой, желает иметь переговоры с командующим французскими войсками».

Фёдор подумал: «Не выйдет ничего с переговорами. Пока они будут разбираться, сапёры в Кремле как раз доделают своё дело». Никто не обращал на него внимания, он отошёл в сторону и спрятался в развалинах дома.

Фёдор оказался прав: маршал Мортье не признал Винценгероде парламентёром, отказался вести переговоры, объявил военнопленным и заключил под стражу.

Из дома в дом, из двора во двор, из переулка в переулк—пробрался Фёдор к своему знакомому сапожнику,

рассказал ему о неудаче. «Значит, не бывать у нас больше ни Кремля, ни Ивана Великого. Конец Москве приходит: что она без них!»—вздыхнул сапожник. «Рано отходную поёшь,—возразил Фёдор.— Ещё есть время не дать свершиться злему делу!»

Переоделся Фёдор в крестьянскую одежду, и пошли они с сапожником к Кремлю. «В Кремль русских не пускают»,—объяснял сапожник. «Солдатскую смекалку следует применить»,—сказал Фёдор. 24

Подошли они к Кремлю, видят—французские сапёры под стенами свою работу закончили, сидят отдыхают. Выбежал из Троицких ворот офицер, закричал что-то, солдаты схватили проходивших мимо русских мужиков, увели в Кремль.

**«Куда их повели! Зачем!»—размышлял сапожник.
«Вот как мы попадём куда надо!»—сказал Фёдор.
Они подошли к воротам и встали, вроде любопыт-
ства. Французские солдаты и их схватили.**

В Кремле царила суматоха. Бегали солдаты, офицеры, грузились повозки. Скоро Фёдор понял, зачем они понадобились французам: сапёры не успевали, поэтому-то и заставляли рыть подкопы русских мужиков.

Хмурые мужики еле ворочали лопатами, то и дело французские солдаты торопили их прикладами в спину—за каждым стоял надзиратель, глаз не спускал.

Фёдор огляделся и сказал сапожнику: «Сегодня взрывать будут. Слушай: когда они запалы подожгут и побегут, тогда мины останутся без охраны. Вот эти-то минуты—наши».

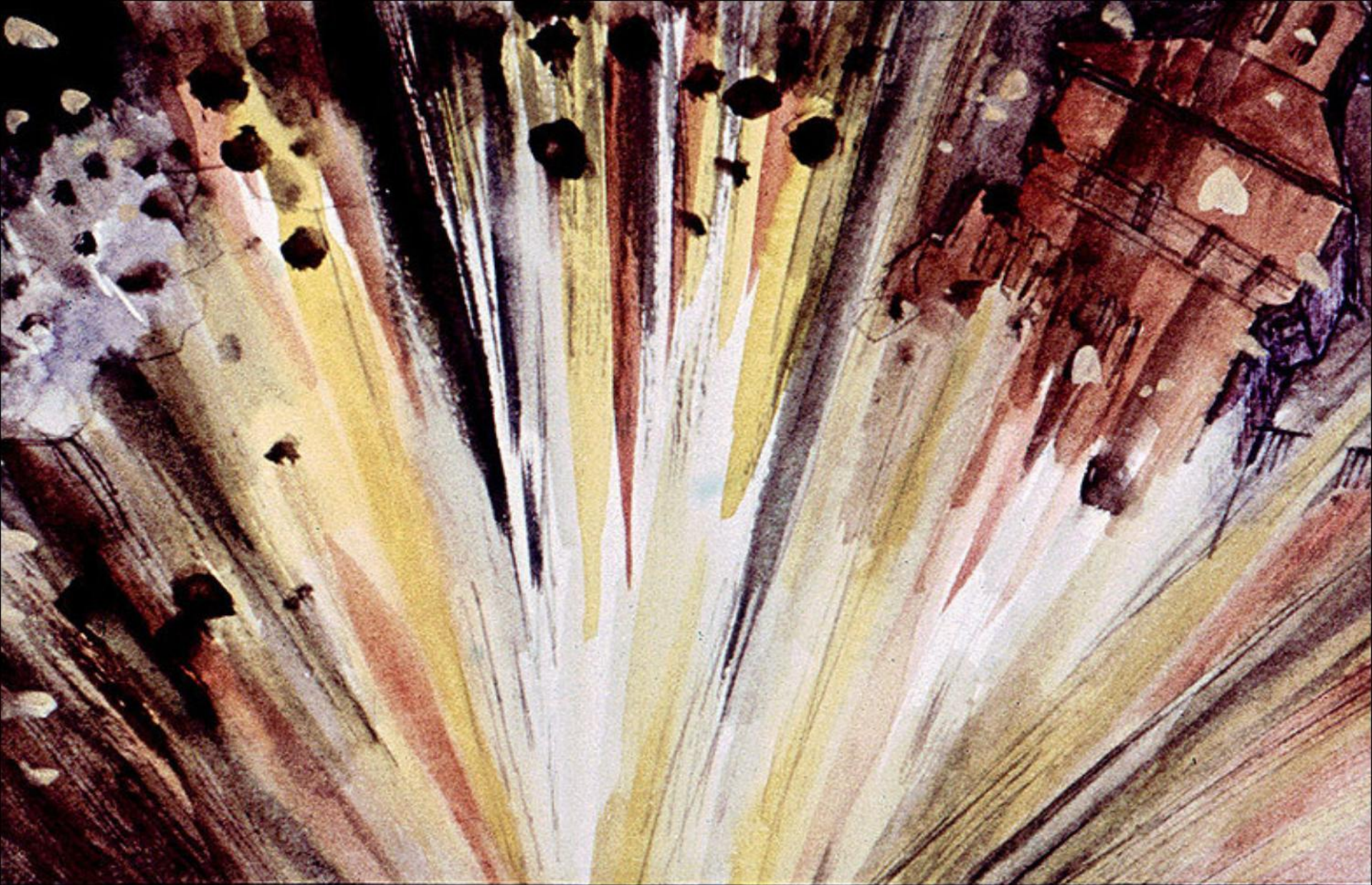
Заканчивали минирование уже в сумерках. К тому времени Кремль опустел. Мужиков выгнали из подкопов и подвалов, туда спустились сапёры.

И в тот самый момент, когда сапёры выехали из ворот и погнали лошадей, Фёдор, сапожник и ещё несколько мужиков бросились в Кремль.

**«Вы к Спасским бегите, я—к Ивану Великому»,—
распорядился Фёдор. Они не знали, сколько минут
до взрыва и не ждёт ли их смерть—об этом не ду-
мали.**

Раздался первый взрыв, дрогнула земля, повали-
лась Арсенальная башня.

Дверь в подвал под Иваном Великим оказалась запертой. Пока Фёдор выламывал её, шли драгоценные минуты.

Наконец дверь выломана. В темноте светились свечки на бочках с порохом. Фёдор затушил их. Но он заметил, что французы ставили ещё и скрытые запалы. Где-то тлеет фитиль, и не видать его. Фёдор бросился шарить по полу, нашел, выдернул.

**Фёдор выскочил на улицу, и тут его оглушил взрыв.
Он упал.**

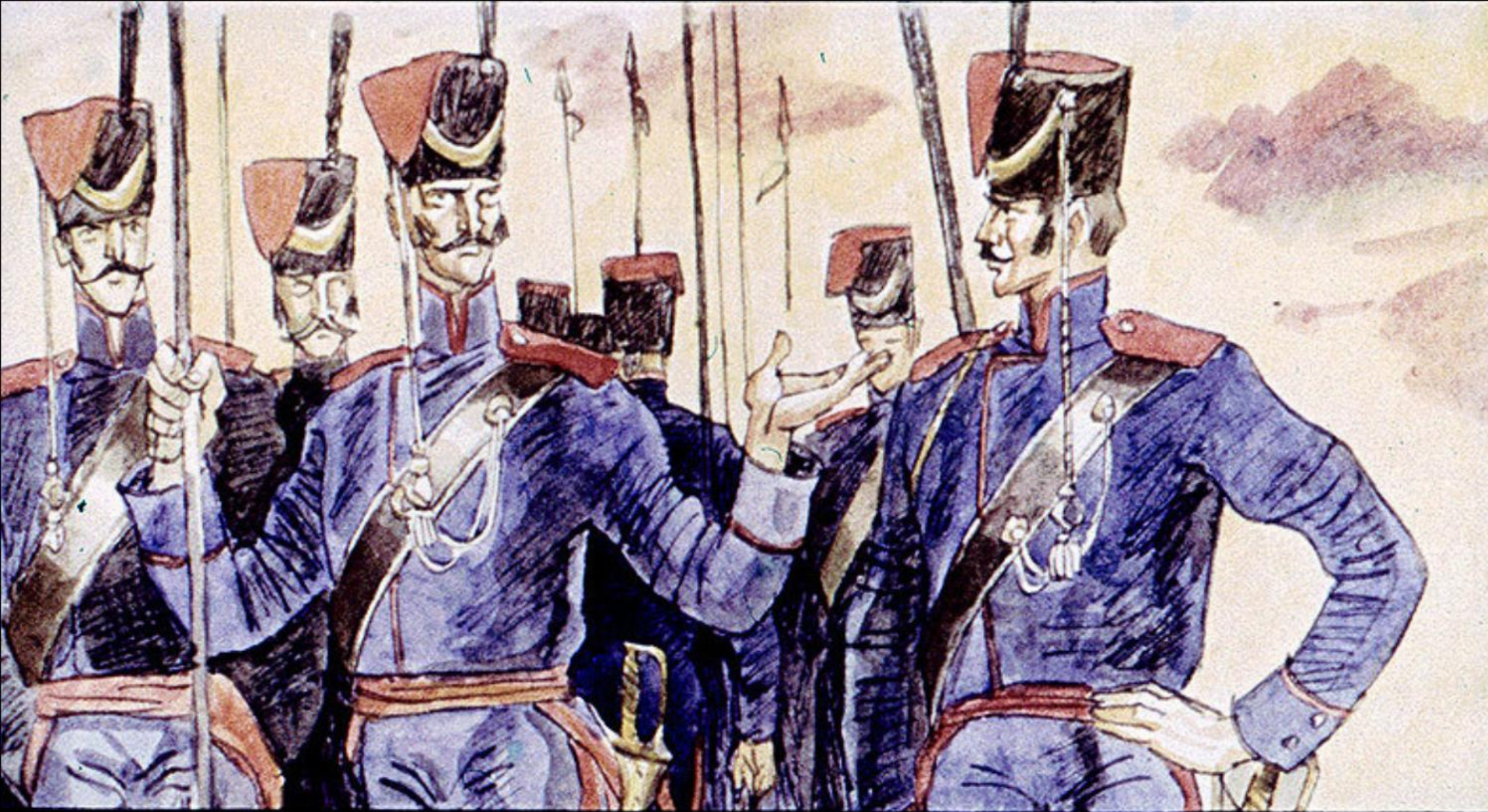
На рассвете передовой русский отряд, сметая остатки замешкавшихся в городе французских частей, ворвался в Кремль. Это был отряд Фёдора Николаева.

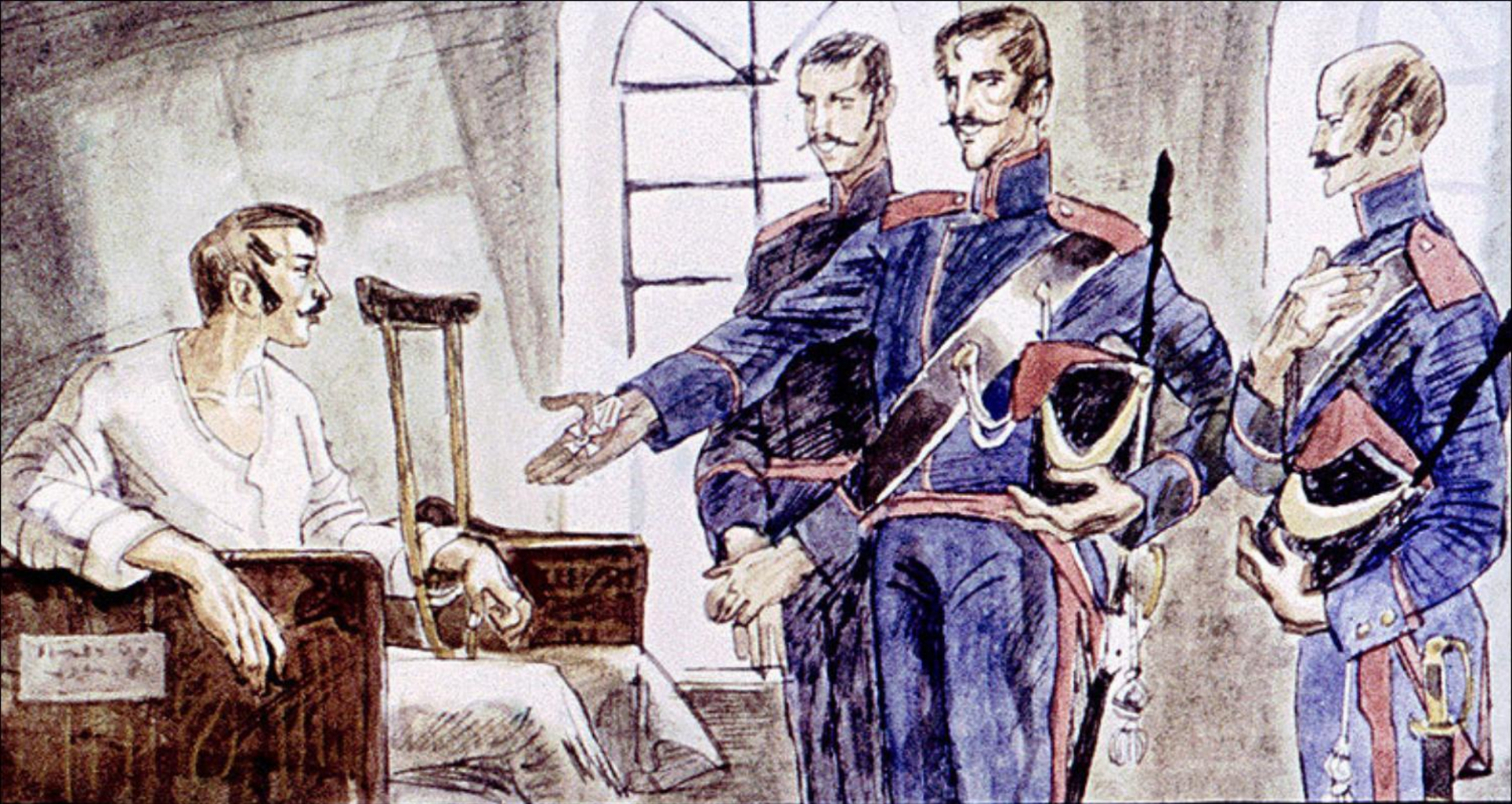
Глазам казаков предстал полуразрушенный Кремль, но среди разрушения стоял Иван Великий... «Чудо—да и только»,—удивлялся один солдат. «Так это ж Иван Великий,—возражал ему другой,—потому и устоял».

Тут они услышали стон под развалинами. Быстренько раскидали кирпичи. «Так это же наш Фёдор!» Фёдор лежал в беспомощности, а в руке крепко сжимал обгорелый фитиль. «Вот оно—чудо»,—сказал первый солдат.

После боя, как положено, солдаты решали, кто из них за этот бой достоин награды — Георгиевского креста, и солдатское решение было справедливо и нерушимо: «Самый главный герой среди нас нынче Фёдор Николаев!»

Полк недолго задержался в Москве—ушёл гнать французов дальше. Перед выступлением товарищи навестили Фёдора Николаева в лазарете, вручили Георгиевский крест—знак солдатской доблести, пожелали скорейшего выздоровления.

Начала отстраиваться Москва после пожара и разорения, и первым встал над городом на высоком холме, отмытый от копоти, заново вызолоченный, могучий богатырь—Иван Великий.

КОНЕЦ

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Д-131-88

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1988 г.
103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30